

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬСКАЯ СЕМЬЯ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ ПОСТМОДЕРНА

Анна Митрега

Трансформация семьи в Польше происходит под влиянием как типичных для других стран транзита факторов (изменение политики поддержки семьи и регуляции занятости), так и в силу специфического статуса традиционных ценностей. Статья обсуждает многообразие ценностей как вызов современной польской семье в контексте задачи совладания с социально-экономической нестабильностью. Результаты исследования указывают на наличие различных типов ценностей среди современных поляков. Проблема конфликта ценностей и ее вклад в супружеские и детско-родительские отношения признается одной из ключевых. Статья опровергает расхожее мнение о том, что польское общество отличается гомогенностью ценностных ориентаций и представляет различные установки, которыми оперируют польские семьи.

Ключевые слова: семья, разнообразие ценностей, традиционный дискурс, постмодернистский дискурс, «социалистическая семья»

Введение

Те тенденции, которые определяют преобразование семейной жизни во многих обществах, в Польше дополняются как факторами, типичными для большинства стран посттранзита, так и рядом специфических трендов. Несомненно, в Польшу проникают новые идеи и подходы, связанные с гендерными исследованиями, формируется новая культура потребления, основанная на идеи семьи как пространства воспитания «консьюмериста» [Zeiger, 2007]. Переход к рыночной экономике трансформирует традиционные связи между членами семьи и типы социально-экономической зависимости. Однако современная Польша отличается от своих соседей в Центральной Европе особой ролью католической церкви и традиционных семейных ценностей. Авторитет церкви обусловлен ее особой ролью

в новейшей истории Польши. Таким образом, поляки сталкиваются не только с разнообразием ценностей, но и выраженной конкуренцией разных подходов к пониманию того, что есть «правильная» семья.

Среди экспертов представлено, по преимуществу, весьма критическое отношение к семейной политике Польши периода транзита (первой половины 1990-х годов прошлого века) [Kurzynowski, 1995] и признание ее ведущей роли в дестабилизации общества [Melosik, 2002]. В первую очередь это связано с доминированием политики пассивной поддержки: в начале 1990-х годов было введено более пяти типов дотаций для семей, однако не предпринималось достаточно усилий для оптимизации адаптации семей к новым условиям на рынке труда. Около 56 % семей в 1993 году проживали за чертой бедности, а в период с 1990 до 1994 года доля бедных среди работающих увеличивается с 16,6 % до 22,5 %, среди самозанятых с 23,9 % до 36,6 %, а среди неработающих членов семьи – с 30,4 % до 40,6 % [Kurzynowski, 1995]. Стратегии, выбранные польским населением для преодоления сложившейся ситуации, существенно преобразовали семейные структуры и связи. С начала 1990-х годов началась массовая трудовая миграция, которая оставалась возрастающей тенденцией до конца 1990-х годов: если в 1989 году страну покинуло 150 тыс. человек с целью поиска работы, то в 1998 году этот показатель составил 350 тыс. человек. За годы транзита в Германию с целью работы перебралось около 200 тыс. поляков [Burrel, 2009]. Нелегальная миграция и трафик польских женщин стал отдельной проблемой европейской политики [Okólski, 1999]. В начале «нулевых» уровень разводов, падение рождаемости и продолжающийся исход населения в другие страны позволил ряду исследователей сделать вывод о «социальной коме» польской семьи [Burrel, 2009]. Вместе с тем католическая церковь и представители власти сохраняют уверенность относительно особой роли традиционных ценностей. Давление сторонников консервативной позиции так велико, что на уровне декларации польская молодежь разделяет эти убеждения: среди европейцев в возрасте до 25 лет поляки лидируют среди согласившихся с утверждениями о том, что аборт – это нелегально, гомосексуальные отношения – это грех, развод не допустим [Bokszański, 2007].

Исследование, результаты которого представлены в статье, было направлено на изучение разнообразных изменений, которые происходят в польской семье в последние десятилетия. Современная семейная жизнь усваивает и преобразует новые политические ценности: демократия, либерализм, индивидуализм. Однако новое здесь сосуществует с традиционным и посттрадиционным (социалистическими). Многообразие ценностей не столько позволяет самоопределяться с приоритетами при выстраивании семейной жизни, сколько провоцирует различные конфликты. Представление о семейной жизни, ее трудностях и способах решения проблем становятся все более неоднозначными. Декларируемые ценности не совпа-

дают с теми, которыми люди оперируют в повседневной жизни. Как современная польская семья справляется с такой амбивалентностью? Насколько чутки поляки к конкуренции ценностей и неизбежности самоопределения среди их многообразия? Как функционируют семьи, по-разному разрешающие проблему конфликта ценностей?

Типы ценностных моделей: меню выбора или неизбежность ассимиляции?

Анализ представленности различных ценностных систем в Польше не может избежать признания того, что католическая церковь остается одним из доминирующих агентов в этой сфере. Многие явления семейной и сексуальной жизни маркируются в современной Польше как однозначно отрицательные: гомосексуализм, развод, аборт. Нетерпимость и принятие этой нетерпимости – отличительная черта современного польского общества по сравнению с другими странами Восточной Европы. Как подчеркивает З. Бокжанский [Bokszański, 2007], доминирование церкви делает польское общество более гомогенным, чем какой-либо другой европейский социум: большинство поляков «привязано» к традиционным ценностям, определяющим семью как пространство реализации самых важных потребностей: особая роль церкви, увязывание традиционных установок с сопротивлением социализму и уверенность в целесообразности традиций обуславливают весьма высокий уровень консерватизма граждан в отношении принятия альтернативных моделей поведения [Bokszański, 2007]. Однако экономические и социокультурные изменения подвели к неизбежному – столкновению с новыми ценностями, если не в рамках своей семьи, то в наблюдении за другими. Для страны, которая и в период социализма оставалась предана традиционному взгляду на семью, связанному с католичеством, это стало настоящим испытанием. Перераспределение функций между супругами, изменение неписанных правил коммуникации между детьми и родителями, подход к принятию лично значимых решений – эти самые главные аспекты семейной жизни стали предметом конфликта как внутрисемейного, так и социального.

Тем не менее стабильная семья – одна из самых важных ценностей для поляков самого разного возраста [Czeszejko, 2008]. При этом и молодые люди не реже, чем пожилые, и чаще, чем люди среднего возраста, провозглашают значимость традиционной семьи как основы благополучия и воспитания граждан [Rostowski, 2009]. Несмотря на эту риторику, статистика последних лет свидетельствует о том, что молодые люди позже покидают родительские семьи (в среднем, в возрасте 24–25 лет), позже, чем их родители вступают в брак (в 29 лет), количество формально зарегистрированных браков уменьшается, тогда как неформальные многолетние партнерства становятся все более распространенной практикой. Увеличивается число разводов.

По уровню рождаемости Польша в 2009 году оказалась на 28 месте в Европе – на 1 000 жителей приходится всего лишь 78 новорожденных [Haub, 2009] – что позволяет говорить о наступлении демографического кризиса. Столь сильная рассогласованность между декларируемыми ценностями и реалиями семейной жизни располагают задуматься над тем, а не становится ли семейная жизнь источников фрустрации для многих поляков? Как те, кто принимает новые, так и те, кто пытается сохранить традиционные подходы, сталкиваются с ситуациями, в которых приходится выбирать в пользу одних моделей поведения и отказываться от других: например, мужская безработица актуализирует роль женского труда, однако остается открытым вопрос о том, готовы ли мужчины к освоению роли «домохозяина».

Семья представляет собой группу людей, которые вырабатывают разделяемое всеми членами семьи представление о должном и решают проблемы, объединяя усилия, – таково «идеальное» представление о семье. Однако исследования последних лет показывают, что выработка такого разделяемого представления и коллективных стратегий совладания с трудностями зависит как от ценностей членов семьи, так и от общественных предписаний, которые весьма противоречивы. Соответственно, в современном польском социуме сосуществует как минимум четыре типа семьи с точки зрения приоритета того или иного набора ценностей: семьи, разделяющие традиционный подход; семьи, придерживающиеся ценностей эпохи социализма; семьи постмодерна; и семьи с неустойчивой системой предписаний, которые, в соответствии с концепцией З. Баумана, можно определить как «текучие» [Sikorska, 2009].

Традиционные семьи, как тип, сложились ко второй половине XIX века, когда распределение ролей предписывало мужчине быть единственным добытчиком, а жене – хранительницей очага [Sikorka, 2009]. Именно этот подход поддерживался и церковью – что превращало его в единственно существующий образец [Szlendak, 2000]. Взаимные обязательства и четкое распределение содействовало тому, что такой семейный «габитус» получил распространение и в массовом сознании, воспринимался внерефлексивно и некритично многими поколениями поляков. Муж как актер в принятии решений и жена как источник эмоциональной стабильности отношений стали устойчивыми представлениями о «правильном распределении» ролей в семье. Привилегированная роль мужа не могла быть оспорена ни женой, ни детьми – потрясения XIX и XX веков только содействовали тому, чтобы такой тип семейного устройства стал «коконом безопасности», по меткому выражению Э. Гидденса [Giddens, 2007]. Именно этот тип устройства стал считаться единственно возможным в ситуации экономического кризиса и социальной нестабильности. Индивидуальные интересы должны быть пожертвованы в пользу семьи.

Семья «современного» типа основывается на том, что оба супруга работают, при этом жена также сохраняет роль хранительницы очага, ответст-

венной за воспитание детей и поддержку дома. Такое распределение обязанностей удваивает нагрузку на женщину, способствует тому, что распределение задач перестает быть однозначными. Разница уровня зарплаты в пользу супруги становится решающим фактором, регулирующим распределение функций между супругами, и содействует практике нетрадиционного распределения обязанностей. Существуют и исторические предпосылки для распространения данного типа ценностной регуляции семейной жизни: высокий статус женщин в общественной жизни в период польской независимости, их вовлечение в занятость после окончания Второй мировой войны; закрепление в законодательстве социалистического периода практики поддержки работающих женщин [Women... 2009]. Социалистический семейный кодекс, принятый в 1964 году и действующий до сегодняшнего времени, утвердил как равные права мужчин и женщин в браке, так и равные обязанности. Однако противоречия социалистического устройства общества мешали реализации правовых норм и содействовали деформации заложенных принципов. После периода патерналистской политики в отношении поддержки семьи начала 1990-х годов складываются новые практики правоприменения, которые во многом поддерживают ценности семьи «современного» типа посредством предоставления льгот работающим матерям, особых программ поддержки женщин-предпринимателей, программ переобучения безработных женщин [Sula, 2009].

Соответственно, одной из тенденций развития современного типа семьи стало возрастание потребности женщин в большем вовлечении мужчин в ведение домашнего хозяйства. По результатам опросов, проведенных в 2002–2003 годах, подавляющее большинство женщин (87 %) соглашались с тем, что участие мужчин в домашнем хозяйстве их не устраивает [Sikorska, 2009], кроме того, как показывает опыт последних лет, ожидания женщин не оправдываются [Biedroń, 2008]. Женщины работают по дому больше мужчин, и хотя существует динамика вовлечения мужчин в домашние дела, она не удовлетворяет женщин: *«Он пытается что-то делать, но видно, что ему это не приносит удовлетворения и над ним “висит” предписание, что мужчина не должен быть бабой»* (Жен., 43 года, работает, двое детей).

Постмодернистская семья часто определяется через отрицание традиционной семьи как гетеросексуальной пары с детьми – поэтому такая семья может иметь много разных форм, которые отличают ее от традиционной семьи. Нетрадиционные (постмодернистские) семьи, такие как монородительские семьи – созданные по доброй воле самого родителя, гомосексуальные партнерства, семьи типа DINKS – общий доход и нет детей (от английского *Double Income No Kids*), семьи типа LAT (жить вместе – врозь – *Living Apart Together*), – составляют альтернативу традиционным формам брачно-семейных отношений [Kwak, 2002]. М. Сикорская

указывает на то, что постмодернистские семьи распространяются вместе с утверждением либеральных идей через либерализацию жизни. Тем не менее толерантность и принятие новых форм семейной жизни все еще не присутствует в общественном мнении. В соответствии с опросами, проводимыми регулярно среди польских граждан, можно утверждать, что подавляющее большинство живет в соответствии с нормами «традиционной» или «современной» семьи: пара людей воспитывает детей [Sikorska, 2009].

Постмодернистская семья как проводник новых ценностей: миссия выполняема?

Отличные от традиционных формы частной жизни содействуют закреплению принципа автономности, его признания людьми [Sikorska, 2009]. И в области детско-родительских отношений распространение нетрадиционных форм может содействовать усилению роли индивидуального подхода по сравнению с доминировавшим ранее коллективистским подходом [Biedroń, 2009]. Такие ценности воспитания ребенка, как свобода выбора, самореализация, ответственность за свои решения, могут быть реализованы только при условии, что в обществе будут присутствовать семьи и постмодернистского типа [Biedroń, 2009]. Постмодернистская семья в первую очередь утверждает роль у настоящего и минимизирует сверхценность будущего, семья перестает быть инкубатором воспитания гражданина и больше ориентирована на обеспечение автономности человека [Zaiher, 2008].

Семья перестает восприниматься только как источник защиты от экономической нестабильности и становится источником эмоциональной поддержки. Она становится авторским проектом, который не зависит как от давления извне, так и от давления обстоятельств, но обеспечивает наилучший способ организации досуга, реализации своих эмоциональных потребностей и потребности в близких отношениях. Если традиционные ценности навязывают общие ритуалы, то постмодернистские творят ритуалы именно для данной семьи. Самоопределение современного человека трудно представить без опыта взаимодействия с постмодернистскими подходами.

Многогранное понимание автономии становится центральной темой постмодерна. Самые разные аспекты автономии связываются в общую систему условий проявления индивидуальности – такие семьи справляются с проблемой домашнего насилия и оперируют более широким набором ресурсов для преодоления трудных периодов, чем исключительно экономические возможности [Giddens, 2007].

Однако и распространение постмодернистских семей, и принятие их социумом зависит от рефлексии поляками своих ценностей и неизбежно-

ти аксиологического конфликта. Организация повседневной семейной жизни и декларируемые ценности могут не совпадать – что происходит в таких случаях? На этот вопрос и отвечает проведенное исследование.

Семья в процессе принятия новых ценностей: для себя или других?

Каждая семья творит свои поведенческие образцы и стратегии, декларируя цель лучшего решения проблем. Вместе с тем она стремится в той или иной степени соответствовать представлениям о хорошем, а также тем традициям и мифам, которые представлены в современном социуме. Выстраивание идентичности, определение внешних и внутренних границ, сохранение социального статуса членов семьи – эти задачи могут реализовываться в семьях разного типа. Эффективность решения зависит от устойчивости структуры отношений, которая в свою очередь зависит от действенности ценностных регуляторов [Plora, 2008]

В течение двух лет исследовательской группой преподавателей и студентов университета города Вроцлав было проведено исследование, направленное на выявление того, как функционируют семьи, которые относят себя к разным типам, в первую очередь в супружеских и детско-родительских отношениях. Исследование строилось на вопросах, воссоздающих историю семьи, проясняющих связи разных событий в прошлом с современным состоянием семейных отношений. Описание своего повседневного опыта позволяет соотнести микроуровень семейной жизни с макротенденциями в формировании разных моделей поведения в обществе [Babbie, 2007. Р. 322–323]. Истории отдельных людей содержат в себе специфические культурные маркеры, которые предопределены социальными моделями и которые создают социально-культурные предписания разного типа [Pankalla, Kilian, 2007].

Полуформализованные интервью позволили выявить связь между событиями семейной истории и отношением респондентов к тем или иным ценностям. В частности, респондентам предлагались и вопросы, касающиеся того, насколько для них приемлемы ценности других моделей, как воспринимается сложившееся многообразие в этой сфере. Вопросы об исполнении семьей функции образования ребенка, выстраивания границ в супружеских отношениях, распределения обязанностей между супругами выявляли и степень принятия того или иного континуума ценностей.

Анализ опирается на 180 нарративных интервью, собранных в 2008–2009 годах в крупных, малых городах и деревнях Нижней Силезии. Респонденты отвечали на вопросы, которые касались реализации образовательных функций, воспитания детей и истории успехов членов семьи. Распределение респондентов по месту жительства отражает современную структуру польского социума: 39 % респондентов проживало в крупных

городах, 47 % – в малых городах, 14 % – в селах и деревнях; 2 % имели высшее образование, 44 % – среднее специальное, 21 % – начальное профессиональное, 3 % – общеобразовательное; 35 % определили их материальное положение как достаточно высокое, 50 % – как среднее, 13 % – как низкое, 1,6 % посчитали себя бедными. Что касается структуры семьи, то 65 % на момент исследования жили в «полной» семье, 25 % – в монородительской, 10 % – во временно неполной (когда один из супругов работает далеко от семьи и не проживает с супругом и детьми).

Проведенные интервью позволили собрать подходы к описанию проблем польских семей и способов их решения. Полученные данные были проанализированы в рамках следующих категорий: указание на изменение распределения ролей в семье и оценка динамики ролевого поведения внутри семьи; описание стиля взаимодействия в семье и история складывания семейной коммуникации как в супружеских, так и детско-родительских отношениях; границы в коммуникации членов семьи, степень индивидуальной автономии и сложившиеся способы ее регулирования.

Социальные изменения vs. устоявшиеся образцы поведения

Современные условия существенно преобразуют семейные роли. Возможно, поэтому только незначительная часть опрошенных высказались в поддержку традиционного распределения ролей между мужчиной и женщиной в семье: мужчина – добытчик, а жена – хранительница очага, которая не работает. Некоторые женщины, попавшие в данную группу, имеют как высшее образование, так и достаточно высокооплачиваемую работу, что свидетельствует о том, что выбор в пользу традиционных ценностей может быть не связан непосредственно с образом жизни человека.

По образованию я – хирург-стоматолог. После окончания обучения я проработала очень недолго – до того, как вышла замуж. Когда родились дети, муж ушел в бизнес, я осталась дома. Все эти года дела моей семьи и домашнее хозяйство были самым главным. Я полностью удовлетворена, потому что знаю, что сделала в своей жизни больше, чем если бы пломбирала зубы... (Жен., 47 лет, замужем, трое детей подросткового возраста).

Мужчины, которые попали в данную группу, имеют разный доход, однако в большинстве своем обосновывают традиционный дискурс как единственный возможный для наилучшей реализации функции образования и воспитания детей, сохранения стабильности семьи.

Представление о женщине как хранительнице очага присутствует в польском обществе, хотя последовательно реализуется очень небольшим количеством людей. Согласованность между традиционными ценностями

и организацией жизни в соответствии с ними присуще еще меньшему количеству опрошенных – в эту категорию попали только семьи с высоким уровнем дохода – в которых мужья занимаются предпринимательством. Тем не менее не уровень дохода становится достаточным условием реализации традиционных ценностей, а осознанное и согласованное принятие обоими супругами традиционного разделения обязанностей жены и мужа.

Постмодернистские ценности представлены в ответах респондентов примерно так же редко, как и традиционные. Только несколько опрошенных мужчин высказались в пользу таких ценностей, как активное участие мужчины в домашней работе, гибкое распределение обязанностей по дому между супругами, готовность мужчины поставить семейные дела «на первое место» по сравнению с работой. Эти респонденты принимают намерения своих супругов преуспеть на профессиональном поприще, поддерживают принцип автономии в принятии решений. Вместе с тем мужчины подчеркивают значимость предпочтений в выборе того, чем тому или другому супругу хотелось бы заниматься по дому, и указывают на значимость предотвращения «победы» рутины домашнего труда: *«Мы оба ходим на работу и стремимся сделать семейную жизнь лучше, делим обязанности. Больше всего мне нравится готовить – я и впрямь в этом преуспел...»* (Муж., 34 года, женат, двое детей).

В качестве риска принятия постмодернистских ценностей можно указать на утрату мужчинами пространства для «мужского общения» и досуга вне семьи. В обществе, поддерживающем традиционные ценности, мужчина, реализующий иные ценности, оказывается под давлением общественного мнения, и в первую очередь ближайшего несемейного окружения. Х. Гольдберг подчеркнул, что шовинизм может быть только мужским, и если окружение считает мужчину лузером, то за ним не признается право выбрать, например, постмодернистские ценности [Goldberg, 2000].

Друзья не прекращают проводить спасательные операции меня от меня самого – да и от отца я все время слышу, что я всего лишь подкаблучник, который не может настоять на своем (Муж., 34 года, женат, двое детей).

Вместе с сохранением ориентации на традиционные ценности польское общество предпринимает все меньше усилий по воспитанию мужчин мужчинами. Социализация в дошкольных учреждениях и школах не связана ни с какими ориентациями в сфере гендерных ролей [Guggenbuehl, 2007].

Последние двадцать лет, по мнению исследователя З. Мелосик, происходит разрушение прежнего монолита символических посланий в адрес мужчин в повседневных текстах «общего пользования»: рекламе, статьях, популярных изданиях [Melosik, 2002]. Однако современная ситуация скорее может быть описана как разрушение традиционных ценностей, чем

распространение различных систем ценностей. Исследования показывают, что мужчины все чаще испытывают фрустрацию относительно того, каким образцам поведения следовать и как ориентироваться в ожиданиях, сформированных массовой культурой. Как и в подростковых культурах других стран, в Польше среди мальчиков, вступающих в период пубертата, все большее распространение получает культура неформальной инициации – посредством весьма жестких ритуалов утверждаются такие ценности, как иерархия и доминирование в группе (достигаемое и за счет жесткой конкуренции), культ физической силы и превосходства.

Изучение историй семей, рассказанных приверженцами постмодернистских ценностей, убеждает в том, что основу семейного нарратива составляет динамика увязывания семейных дел и проблем с профессиональным развитием каждого из супругов. Идея экономической безопасности, обеспеченной за счет как работы обоих супругов, так и разделением их обязанностей, указывает на то, что сторонники постмодернистских ценностей не выбирают между работой и семьей, но часто противопоставляют семью и общественное давление, считая семью пространством, в рамках которого человек защищен от притязаний социума диктовать свои правила игры. Многие семьи вырабатывают свой, гендерно нейтральный подход к разделению обязанностей:

Когда я возвращаюсь домой, мы вместе занимаемся домашней работой, делим наши заботы поровну. Мы на равных помогаем с учебой сыну – я занимаюсь гуманитарными предметами, а муж техническими и математикой. Вечер – это наше общее время (Жен., 37 лет, замужем, один ребенок).

Воспитание детей, зарабатывание денег, ведение хозяйства – прерогатива женщины, тогда как мужчина работает и изредка участвует в домашних делах. Данный подход усиливается доминированием в массовой культуре образа польской матери – не имеющей образования сметливой хозяйственной жене и матери нескольких детей, на которой держится дом. При этом женщины, которые реализуют такой подход к устройству своей жизни, часто указывают на вынужденное принятие этой модели. Часто в качестве основного довода за сохранение такой модели женщины используют свою незаменимость и неспособность изменить подход мужчины к организации семейной жизни:

Я знаю, что если я уйду – они просто умрут от голода, жажды, болезни. Я пыталась бороться за равноправие, но никто не может изменить заложенную природой в мужчину программу (Жен., 38 лет, замужем, двое детей).

Современная модель семьи может разделяться и теми, чья семейная жизнь далека от норм и ценностей, устанавливаемых данной моделью. На-

пример, матери-одиночки, имеющие одного ребенка, не имеющие должной поддержки, проговаривают двойственность такой модели, но осознают ли они последствия такой двойственности:

Когда я возвращаюсь с работы домой, я уверена, что как только зайду в квартиру – раздастся звонок от кого-то из педагогов школы. Потом уборка, потом занятия с сыном – а вернее, крики, приказы, попытки его усадить. Иногда мне кажется, я и минуты не смогу продержаться в таких условиях, но вот сын обнимет меня, и все на время отступает (Жен., 35 лет, мать-одиночка ребенка с диагнозом «гиперактивность и синдром дефицита внимания», на момент интервью проходила курс терапии от депрессии).

То, что общество санкционирует традиционную модель, подтверждается и историями женщин в возрасте, которые уже вырастили своих детей и в состоянии были бы вернуться к профессиональной деятельности, более активному досугу, но которые становились бесплатными нянями для своих внуков. При этом основной мотив вовлечения бабушек в такую деятельность состоит в том, что матери отстаивают свою жизнь по-новому – планируя карьеру, пытаясь наладить свою неустроенную жизнь. Эта категория семейных историй указывает на то, что двойные стандарты отличают не только положение мужчин и женщин, но и женщин разного возраста и социального статуса. При этом пожилые женщины не связывают такое положение с возрастанием риска их экономической стабильности в будущем.

Наиболее интенсивно неудовлетворенность устройством своей семейной жизни выражают женщины, которые разделяют ценности современной модели семьи. Этот вывод согласуется и с рядом других исследований, проведенных в Польше. Так, было выявлено, что работающие женщины много чаще работающих мужчин испытывают ощущение несправедливости на рабочем месте – и часто оно связано с тем, что они не могут отдалиться работе так, как это делают мужчины в силу отсутствия обязанностей заниматься домашним хозяйством [Rostowska, 2008].

Массовость распространения «современной» модели и риски, которые связаны с ее доминированием, должны приниматься во внимание и при планировании семейной политики государства [MacKenzie, 2002].

Социальные изменения как фактор преобразования коммуникации детей и родителей

Демократизация общественной жизни существенно влияет на преобразование подходов к детско-родительским отношениям, путям влияния родителей на детей. Ценность автономии и уважения независимости ребенка, которые получают распространение, мало согласуются с традиционными ценностями воспитания, принятыми в социуме.

Постмодернистский дискурс проникает в такие традиционные общества как польское, через принятие дискурса системой образования и детскими субкультурами. Если дошкольное и школьное образование начинает развиваться в ориентации на ценности, типичные для постмодерна, детско-родительские отношения не могут остаться вне влияния этих тенденций. Одной из отличительных черт постмодернистского подхода становится ненасильственная педагогика – минимизация принуждения и развития кооперации между детьми и родителями как основа обучения. Однако кооперация и равноправие взрослых и детей нетипичны для традиционной модели ценностей, предполагающей «почитание» родителей [Field, 1996]. Постмодернистский подход поддерживает разнообразие педагогических методов, направленное на реализацию индивидуального подхода к воспитанию и обучению [MacKenzie, 2002]. Супруги, выбравшие постмодернистский подход к организации семейной жизни, придерживаются данного подхода и в коммуникации с детьми:

У нас есть такое время, в пятницу, после обеда – мы собираемся, обсуждаем проблемы, спорим иногда. Стараемся прийти к конструктивному решению. Для нас это способ с детства приучать сына признавать ошибки, искать помощи, справляться с трудностями взаимопонимания (Жен., 32 года, замужем, один ребенок).

Анализ ответов родителей указывает на то, что детско-родительские отношения – это та сфера, в которой польские семьи готовы быстрее признать недостатки традиционного подхода. Многие родители вспоминали свой детский опыт и соотносили свои родительские трудности с впечатлениями своего детства:

Мне было три года, я описалась, родители, ничего не сказав, отшлепали меня и накричали. После этого я стала постоянно мочиться. Сейчас, когда кто-то из детей писает в штанишки или делает что-то не так, я сдерживаюсь, чтобы не накричать и не отшлепать, я стараюсь погасить это внутри (Жен., 32 года, замужем, двое детей).

Часть опрошенных используют традиционные ценности воспитания, ссылаясь на опыт своих родителей и своего детства. Авторитарный стиль ассоциируется с готовностью брать на себя ответственность за воспитание детей, и часто противопоставляется рискованному «новомодным» тенденциям. Следует признать и тот факт, что консервативный взгляд на воспитание – фирменное отличие многих влиятельных социальных групп в Польше [Dobson, 2005]. Основу этого стиля составляет весьма директивный контроль, направленный на все сферы жизни ребенка. По сути, авторитарный стиль поддерживает то понимание детско-родительских отношений, которое сложилось в римском праве – ребенок рассматривается как собственность родителей. Противопоставление «правильных», аутентич-

ных польскому менталитету традиционных ценностей социалистическим, чуждым и навязанным, было столь сильным мотивом, что постмодернистские ценности оказались «лишними» в такой конкуренции [Mitreга, 2009]. Недостаток в понимании рисков авторитарного стиля подтверждается высоким уровнем вербальной и физической агрессии со стороны родителей в отношении своих детей. По данным исследования домашнего насилия в польских семьях, применение насилия только возрастает со взрослением ребенка и достигает максимального уровня в отношении детей старшего подросткового возраста [Śledzianowski, 2004]. Часто родители готовы признать, что насилие не эффективно с точки зрения долгосрочной перспективы, но также они признают невозможность найти какой-то другой способ совладания с ситуацией:

Когда мои трехлетние близнецы бузят, я просто не могу их не бить, это единственный способ подчинить их. Они с таким трудом засыпают, что я в раздражении могу их шлепнуть, хотя от шлепка они еще больше заводятся, но что я могу сделать... (Женщина, 30 лет, мать-одиночка, пятеро детей).

Некоторые из опрошенных, признавшиеся в применении авторитарных методов, попытались оправдать себя тем, что они выросли в сходных обстоятельствах и не могут преодолеть сложившиеся образцы поведения. Незначительная группа опрошенных указывает на то, что редкое применение физических наказаний может оказаться много более полезным, чем регулярные физические наказания: *«Ребенок должен понимать, что вывел меня из себя»* – так обосновал применения физического наказания один из опрошенных отцов, и добавил, что *«нельзя выходить из себя слишком часто – это не поддерживает мой авторитет»*.

И те опрошенные, которые указывают на то, что выстраивают свой воспитательный стиль как противоположный своему детскому опыту, указывают на трудности воспитания ребенка. Им трудно определиться с тем, как «простроить» границы в отношениях с ребенком, как выработать устойчивые требования и тот самый кооперативный стиль взаимодействия:

Моя семилетняя дочка делает, что пожелает, у нее очень много игр и игрушек, ее тормозят и любят все члены нашей семьи. Она не заботится о вещах, легко их ломает, у нее есть своя комната – но она спит со мной. Я для нее подруга и она со мной так и разговаривает, как с подругой... Если мы гуляем, и я настаиваю, чтобы нам пора, она просто превращается в монстра... (Жен., 31 год, мать-одиночка, один ребенок).

Складывается феномен царствующего ребенка, когда вместо диктата родителей семьей «правит» диктат ребенка. Эта проблема оказалась достаточно неожиданной для социума, а тема манипуляции родителями со стороны детей длительное время не обсуждалась. Только последние несколько лет родители получили доступ к информации – вплоть до того,

что на одном из национальных каналов стала выходить специальная программа о том, как справиться с «царствующим» ребенком. Отдельную группу составляют родители, которые испытывают чувство вины за невозможность предоставить своим детям достаточно внимания в силу занятости:

Я бы хотел чаще говорить с детьми, играть с ними, объяснять то, что может объяснить только папа. Но когда я возвращаюсь домой и слышу плач младшего, то чувствую усталость и то, что я сыт по горло проблемами. Иногда я играю с ними, иногда смотрю фильм, но чаще я просто выпадаю в осадок после работы... (Муж., 36 лет, женат, двое детей).

Проблема воспитания детей в монородительской семье состоит и в риске постепенной автоматизации заботы о ребенке, когда родитель начинает воспринимать воспитание ребенка как еще одну работу, за которую государство платит ему пособие на ребенка:

Мне совсем не хотелось и не хочется иметь столько детей... но это произошло, младшая дочка (2 года) еще совсем ребенок, но она уже присматривает за самым младшим (6 месяцев), хотя она еще даже не говорит нормально – и все эти занудные тетки из социальных служб, что они понимают в моей ситуации, иногда я готова сказать им: у вас есть что-то для моих детей – тогда давайте мне советы, а так – идите прочь. Для них наставления и контроль – формальность, а я просто пытаюсь выжить (Жен., 30 лет, не замужем, пятеро детей).

Одной из основных функций детско-родительских отношений в пост-модернистском дискурсе становится эмоциональная связь и поддержка эмоциональных доверительных отношений между детьми и родителями. Автономии индивида рассматривается и как условие обеспечения эмоциональной связи (потому что под внешним контролем невозможно «выпестовать» теплые отношения), и как «продукт» эмоциональной связи (способность принимать самостоятельные решения зависит от уверенности в себе, которая формируется в рамках доверительных и поддерживающих отношений) [Plora, 2008]. Постмодернистский дискурс основывается на предположении, что никакая материальная состоятельность и социальная защищенность не гарантируют возникновения добрых эмоциональных отношений, стабильность которых, тем не менее, зависит, от обеспечения базовых потребностей. При этом привязанность рассматривается ключевым условием защиты ребенка от самых разных рисков [Bowlby, 2007].

Распространение концепта «(дис)функциональная семья» и циркулярной модели Олсона присутствует и в польских исследованиях: К. Терминска в своем исследовании утверждает, что выстраивание эмоциональных отношений зависит от качества и стабильности выстраиваемых границ между членами семьи [Terminińska, 2008]. Этот принцип не соотносится как с традиционной моделью семьи, так и с современной [Plora, 2008], ко-

которые требуют минимизации пространства жизни матери и ребенка, подчинения жизни женщины задачам поддержки семьи. Можно утверждать то, что среди польских родителей «привязанность» больше коннотирует с жертвой во имя ребенка, любовью-заботой, но не непосредственной эмоциональной связью. Можно предположить, что в семьях, стремящихся жить «по традиции», наблюдается не столько изживание чувств, которое А. Гидденс считает одним из негативных последствий приверженности такой системе ценностей [Giddens, 2007], сколько доминирование деструктивных переживаний [Terminińska, 2008]. Близкие доверительные отношения строятся на способности высказать эмоции и принять переживания другого [Giddens, 2007], тогда как жертва во имя ребенка оборачивается эмоциональной глухотой как к своим чувствам, так и его переживаниям, что становится актуальной проблемой польской семьи [Terminińska, 2008]. Анализ собранных интервью указывает на внутренне конфликтное отношение к проблеме границ и эмоциональной связи, а также на весьма жесткие стандарты в оценке эмоций, которыми оперируют родители. Полученные результаты позволяют использовать классификацию психосоматогенных семей, построенную на идеях Х. Стирлина, выделившего различные механизмы патогенного развития и критерии определения семьи как «психосоматогенной» [Stierlin, 1974].

Стремление контролировать ребенка тесно связано с пониманием ответственности за ребенка и воспринимается как признак любви к ребенку. Удовлетворение базовых потребностей возводится родителями в ранг самых приоритетных ценностей. И хотя родители признают факт неизбежного взросления ребенка и его ухода из семьи, многие указывают на такие способы контроля, которые задерживают процесс взросления. При этом традиционный дискурс используется в таких случаях как источник обоснования своей позиции, направленной на ограничение самостоятельности объекта воспитания. Тема правильного питания ребенка – один из наиболее распространенных каналов сохранять должный уровень контроля: родители жестко следуют своим представлениям о здоровом питании, не взирая на мнения детей, их переживания. В таком поведении бывает трудно провести различие между стремлением контролировать и подчиненностью самого родителя тем или иным общественным представлениям о правильном питании:

У нас серьезная проблема с дочкой – она не хочет есть как надо. Мы около нее чуть ли не кругом стоим, уговариваем есть правильные вещи, с тех пор, как я отняла ее от груди, я готовлю ей четыре раза в день специальное меню. Но она это не ценит – может просто чуть ли не раскидать еду (Жен., 32 года, замужем, один ребенок).

Сосредоточенность на питании становится вполне легальным способом контроля и давления на ребенка, кроме того, культ диет и правильного

питания – один из самых распространенных трендов в описании социально желательного родительства.

Еще одним примером минимизации спонтанности ребенка со стороны родителей становится убежденность в необходимости минимизировать свободные детские игры и вытеснять их «более полезными» видами деятельности:

Наша дочка – умница. Она ходит на балет, занимается английским в детском саду и итальянским с частным преподавателем. Когда ребенок занят целый день, ему не нужно ничего запрещать – у него и так нет времени думать о глупостях (Муж., 30 лет, женат, один ребенок, 5 лет).

Стремление ограничить свободу ребенка в выборе того, как проводить свое время и планировать его, обусловлено целым набором социальных установок, которым следуют родители: приоритет образования над свободным времяпрепровождением, ответственность родителя за будущее своего чада, одобрение успешного контроля со стороны родителя. Ни отрицательные последствия чрезмерного вмешательства родителей в организацию свободного времени ребенка, ни сам факт нарушения автономии таким подходом этими родителями не рассматривались: вопрос о том, следует ли сыну или дочери предоставлять время, чтобы они могли побыть с самими собой, сами спланировать его, воспринимался как странный и даже неуместный.

Вместе с тем многие родители связывают свои усилия с неблагодарностью ребенка и неготовностью принять щедрую поддержку родителей. На вопрос о том, как сын или дочь относится к тем или иным воспитательным воздействиям, родители описывали свое состояние: *«Я просто болен от всего этого»*, *«Мы работаем как собаки, а он с этим не считается»*, *«Из-за нее муж уехал на заработки за границу, а она даже не хочет вести себя как следует и делать то, что требуется»*.

В этой же группе родителей выделяется отдельная тема недостойного выбора друзей и поклонников: родители увязывают ситуацию недостойного выбора как с опасением утратить свое влияние, так и с возможным осуждением со стороны окружающих в их, родительский, адрес: *«Она постоянно вляпывается в истории не с теми парнями – я уже третьего бойфренда вынуждена отводить от дома»* (Жен., 43 года, замужем, двое детей, старшей дочери 17 лет).

Высказывания родителей указывают на намерение как можно дольше держать ребенка в границах семьи и маленькими порциями выпускать его во внешний мир, при том, что именно внешний мир формирует родительские установки на воспитание. Противоречие своих установок родители не распознают – зато по мере взросления детей у родителей обнаруживается тенденция обесценивать свои усилия, указывать на то, что их ожидания не оправданы [Slany, 2002]. Разочарование и страх одиночества кажут-

ся неминуемым результатом развития детско-родительских отношений в семье, разделяющей традиционные ценности в современном обществе.

Иная ситуация наблюдается в семьях, декларирующих ценность взаимопонимания как приоритет и в ситуации конфликта с общественными предписаниями. Эти семьи могут быть отнесены к личностно-ориентированным семьям [Harwas-Napierała, 2008]. Интервью указывают на то, что многие родители приходят к такому подходу в результате проработки своего детского опыта под влиянием нового знания или стремления изменить ситуацию воспитания. Стремление понять ребенка отличает этих родителей от тех, кто стремится справиться с ребенком [Bernstein, 1980]. Коммуникация этих родителей с детьми характеризуется тем, что Б. Бернштейн обозначил как ограниченный код – общение на равных, основанное на взаимной идентификации и общем словаре, который понятен общающимся и выработан ими [Bernstein, 1980]. Соответственно, родители этой группы оперируют в своем речевом поведении сложным кодом – воспринимают детей как достаточно отдаленных от них людей, с которыми следует разговаривать на особом языке. Интересно отметить, что и дети вырабатывают свой язык, который стал предметом научного исследования – среди исследователей нет однозначного мнения о том, вырабатывается ли такой язык как средство «тайного» общения в школе или это элемент детской культуры, достаточно новый для польских подростков [Klus-Stańska, Nowicka, 2005]. В любом случае, в интервью родители указали на то, что их дети пользуются в коммуникации с друзьями не вполне понятным языком. Отчужденность между родителями и детьми – непосредственное следствие непростроенных границ коммуникации и принижения роли эмоциональных связей между родителями и детьми.

Выводы

Исследование показало, что польская семья может быть разной с точки зрения таких критериев, как восприимчивость к общественным установкам, степень взаимной противоречивости установок и открытость непривычным ценностям. Доля тех, кто четко определяется в пользу традиционной или постмодернистской семьи, много меньше тех, кто затрудняется в определении своих ценностных предпочтений при решении проблем супружеских и детско-родительских отношений. Эта тенденция дает основание предположить, что польская семья находится под значительным давлением разнообразных установок и факторов, и испытывает недостаток возможностей сделать выбор в пользу определенного подхода.

Ассимиляция постмодернистских подходов влияет на функционирование семей. Одни семьи воспринимают новые подходы и стремятся выстроить коммуникации на основе признания главенства привязанности и эмоций как самоценных основ семейной жизни. Другие семьи

испытывают давление противоречивых установок и, декларируя традиционные ценности, указывают на общее разочарование в семейной жизни. Основа постмодернистского подхода, предписывающая выстраивать семейную жизнь как свой собственный уникальный проект, принимается далеко не многими – современные поляки продолжают искать в общественных предписаниях образцы хорошего супружества и родительства.

Следование традиционным ценностям оказывается тесно связано с разнообразными дисфункциями детско-родительских отношений – традиционные представления становятся как одним из источников, так и оправданием патогенных моделей поведения родителей.

Фактически большинство семей реализуют так называемую модель «современной» семьи, в которой жене отводится роль и хранительницы очага, и добытчицы, тогда как мужчина остается в рамках традиционной роли. Именно эта группа респондентов указала на значительные проблемы в организации воспитания детей и выстраивании супружеских отношений. Проведенное исследование указывает на то, что женщина в польской семье готова взять на себя роль и матери / жены и работающей женщины (добытчицы), тогда как мужчина к такому совмещению не готов (относительно своих ролей).

Развитие постмодернистского подхода к выстраиванию семейной жизни сопровождается осознанием пробелов собственного детства современными польскими родителями – тема опыта насилия и отчуждения становится одним из источников пересмотра подходов к организации семейной жизни. Выбор в пользу постмодернистского подхода возможно и обеспечивает целостность ценностных основ семьи, но становится фактором риска отношения других к такой семье. Возможно, понимание этого риска объясняет то, почему небольшое число семей стремится выстроить отношения на новой основе. Указание на непонимание нового подхода к организации семейной жизни со стороны окружающих подтверждает нестабильность и значительные риски развития постмодернистского подхода.

Семьи, которые сталкиваются с социально-экономическими проблемами, преимущественно оказываются в ситуации нерешенного конфликта ценностей – что свидетельствует о необходимости комплексной поддержки таких семей, направленной на обеспечение большей автономности и независимости членов семьи от общественного давления.

Список литературы

Babbie E. Badania społeczne w praktyce. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007.

Bernstein B. Socjolingwistyczne ujęcie procesu socjalizacji: uwagi dotyczące podatności na oddziaływanie szkół // G. Shugar, M. Smoczyńska Badania nad rozwojem języka dziecka. Warszawa: PWN, 1980.

- Biedroń M.* Funkcja opiekuńcza rodziny wielkomiejskiej. Kraków: Wyd. Impuls, 2006. S. 52–66.
- Biedroń M.* Realizacja funkcji rodziny w kontekście globalnych przemian socjokulturowych. // Rodzina we współczesności. Red. A. Ładyżyński. Wrocław: Wyd. Atut, 2009.
- Boksański Z.* Indywidualizm a zmiana społeczna. Warszawa: PWN, 2007. S. 147.
- Bowlby J.* Przywiązanie. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007.
- Burrell K.* Polish Migration to the UK in the 'New' European Union after 2004. L.: Ashgate, 2009.
- Czeszejko M.* Współczesne wartości a plany rodzinno-mażeńskie młodzieży / Muszyński, E. Sikora. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2008. S. 110–124.
- Dobson J.* Miłość potrzebuje stanowczości. Warszawa: Wydawnictwo Vocatio, 2005.
- Field D.* Osobowości rodzinne. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Logos, 1996. S. 50–51.
- Giddens A.* Przemiany intymności, Seksualność, miłość i erotyzm we współczesnych społeczeństwach. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007.
- Goldberg H.* Wrażliwy macho: mężczyzna 2000. Warszawa: Wyd. Diogenes, 2000.
- Guggenbuehl A.* Kryzys małego macho. Kielce: Wydawnictwo Jedność Herder, 2007.
- Harwas-Napierała B.* Komunikacja interpersonalna w rodzinie. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2007. S. 29–33.
- Haub K.* Birth rate rising in some low-birth rate countries // US & World population clock, 2009.
- Kenrick D. T., Johnson G. A.* Interpersonal attractions in adverse environments // Close relationships. Review of personality and social psychology / C. Hendrick. Newbury Park: Sage, 1992. P. 10.
- Klus-Stańska D., Nowicka M.* Sensy i bezsensy edukacji wczesnoszkolnej. Warszawa: WSiP, 2005. S. 76–104.
- Kurzynowski A.* Family policy in 1990–1994 // Polish Population Review. 1995. № 5. P. 502–554.
- Kwak A.* Rodzina w dobie przemian. Małżeństwo i kohabitacja, Warszawa: Б. и., 2005.
- MacKenzie R.* Kiedy pozwolić, kiedy zabronić, Jasne reguły pomagają wychowywać. Gdańsk: GWP, 2002.
- Melosik Z.* Kryzys męskości w kulturze współczesnej. Poznań: Б. и., 2002. S. 146.
- Mitrega A.* Trening poczucia odpowiedzialności przedszkolaka- refleksje o kształtowaniu wartości na początku edukacyjnej drogi (w:) Wartości społeczne w służbie publicznej, pod red. L. Dziewięckiej – Bokun i J. Kędzior, Wydawnictwo Adam Marszałek, 2009. S. 369–381.
- Okólski M.* Poland's migration: growing diversity of flows and people // Práce migracyjne, 1999.
- Pankalla i Kilian,* Psychescapes. Poznań: Wydawnictwo PWP, 2007. S. 27.
- Ploppa M.* Psychologia rodziny. Teoria i badania. Kraków: Oficyna Wydawnicza Impuls 2008. P. 49.

Rostowski J. Współczesne przemiany rozumienia związku małżeńskiego // Psychologia rodziny. Małżeństwo i rodzina wobec współczesnych wyzwań. Warszawa: Wydawnictwo Engram Difin, 2009. S. 15–46.

Sikorska M. Nowy ojciec, nowa matka, nowe dziecko. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie i Profesjonalne, 2009.

Stierlin H. Shame and guilt in family relations // Archives of General Psychiatry. 1974. № 30 (3). P. 381–389.

Sula P. Eurofound, Self-employment trends in Poland (online), Dublin, Eurofound, 2006 // <http://www.eurofound.europa.eu/eiro/2006/08/articles/pl0608019i.htm>.

Szlendak T. Rodzina – hasło w Encyklopedii Socjologii. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2000. T. 3.

Śledzianowski K. L. Wychowanie wobec przemocy. Katowice: Wydawnictwo Zakładu Profilaktyki Społecznej i Resocjalizacji AŚ, 2004.

Women on the Polish labour market // Ed. by Mike Ingham. Budapest: CEU Press, 2009.

Zeijher H. Valuing children temporal quality of life, in Flexible Childhood? Exploring Children's welfare in time and space. Vol. 2 of GOST A19: Children's welfare. Southdenmark university press, 2007. P. 27–48.

Анна Митрега

д-р социологии, ведущий преподаватель, Институт педагогики, Вроцлав,
Польша

электронная почта: amitrega@gmail.com

(Пер. с польск. В.Р. Шмидт)
